

...Вечером того же дня флаерное такси приземлилось у не слишком примечательного здания в южном районе Серого города, примыкающего к небоскрёбам-иглам Белого. Высоченные башни сияли в сумерках, словно сказочные светочи, освещая улицы более низких уровней лучше всякой иллюминации.

«Пони-Плей» — красовалась неброская вывеска над массивной дверью, жавшейся между пилястрами. Рядом ходил взад-вперёд богатырского сложения человек в джинсах и форменной куртке охранника. Тяжёлые ботинки при каждом шаге издавали звук, который так и хотелось тоже назвать тяжёлым.

Лира расплатилась с таксистом и подошла. Её обогнала парочка из человека и пони. В сумерках единорожка не разглядела, кто это был, но оба явно немного спешили.

Когда дверь открылась, изнутри донеслась музыка и шум, обычно соответствующий разудалому веселью.

«Наверняка и тут есть Пинки Пай, устраивающая вечеринки по поводу и без», — с улыбкой подумала единорожка.

То, что Виктор не стал помогать её предыдущей ночью, а также слова принцессы, вступало в резкое противоречие с увиденным. Лира решила про себя, что выяснит всё сама, заодно устроив себе очередное испытание на смелость.

Ей представлялись мрачные застенки, наполненные пленными пони. Чёрный замок, зловещая усадьба, башня злого волшебника... Но «Пони-Плей» представлял собой самое обычное здание, с не слишком броской вывеской-голограммой и типичным для этого района серым фасадом. Окна, поблёскивающие зеркальным напылением, скрывали то, что происходило внутри, но клуб совершенно не выделялся на ярко освещённой улице, полной круглосуточных заведений.

Скучающий охранник у входа немного удивлённо уставился на мятно-зелёную пони, в одиночестве идущую в клуб. Не то чтобы это было удивительно само по себе — многим синтетам нравилось подобное времяпровождение. Просто эта поняша больше всего напоминала сбежавшую от воспитателей гимназистку из Белого города: строгий костюм, аккуратная причёска, широко распахнутые наивные глаза, ни следа косметики на мордочке...

— Добрый вечер, сэр, могу я войти? — поинтересовалась она, немного склонив голову на бок.

Охранник, на груди которого красовался бейдж с именем «Джек», преодолел удивление и провёл над головой пони сканером. Тот мигнул синим индикатором — метка была в порядке, пони не была ни свободной, ни просто бесхозной.

— Где твой хозяин, поняша? — не удержался Джек, — Внутри?

— Нет, — немного смутилась единорожка, — мой... друг не знает, что я здесь.

Человек улыбнулся и шутливо погрозил пальцем:

— Ты непослушная пони, раз без спросу ходишь в такие места. На его месте я бы тебе всыпал хорошенько, если бы узнал.

Лира, у которой ёкнуло сердце после первых слов Джека, еле сдержалась, чтобы не отступить назад.

«Вик ни за что не ударил бы меня», — хотела она возразить, но сказала совсем другое:

— Так я могу войти?

— О, конечно, — Джек посторонился, — давай. Сегодня Рейнбоу гуляет... опять. Веселись.

— Спасибо, сэр, — пропела девичьим голоском единорожка и радостно зацокала внутрь, телекинезом сдвинув дверь-вертушку.

Джек усмехнулся.

Создавалось впечатление, что эта пони сама не знала, куда идёт...

...Быстро миновав небольшой холл, Лира Хартстрингс оказалась в просторном зале, залитом неровным светом перемигивающихся огней.

Центр занимало круглое углубление, а прямо над ним на возвышении располагалась сцена, скалой нависающая и над залом, и над глубокой ямой, напоминающей цирковой манеж.

Всё остальное свободное пространство, имеющее форму подковы, занимали столики и диваны, разделённые невысокими перегородками на уютные закутки. Вообще, «Пони-Плей» казался куда крупнее «Маяка», и народу здесь было явно больше. Как пони, так и людей.

Но главное различие было не в этом.

Лире стало немного не по себе, когда она увидела первую пони-официантку. Синяя единорожка с белой гривой быстро прошла мимо, неся в сиянии магии поднос с пятью пенными кружками. Одета пони была в высокие чёрные носочки с вышитыми звёздами и довольно легкомысленную сбрую, оставляющую для воображения совсем немного места. Круп прикрывала короткая юбочка, задираемая хвостом, и скрывающая разве что кютимарку.

Ли́ра, быстро свыкшаяся с обычаями людей, подумала, что показаться в таком виде в мире, где принято всегда одеваться, лично она посчитала бы не слишком приличным.

Но и вторая, и все остальные официантки были одеты точно так же, разве что в разные цвета, гармонирующие с шёрсткой. Никто из присутствующих не обращал на это внимания, и единорожка решила, что здесь такое в порядке вещей.

Со стороны сцены гроыхнуло, и в воздух взвились языки пламени вперемешку с фейерверками. Появившийся на возвышении человек в чёрном костюме и с цилиндром на голове поднял руки и провозгласил:

— А сейчас, дамы и господа, кобылки и джентльпони, мы имеем возможность вновь слышать нашу знаменитость — Рейнбоу Дэш, единственную и неповторимую! Встречайте!

Зал разразился аплодисментами и топотом, свистом и улюлюканьем. В воздухе пронеслось несколько пегасов, и Ли́ра отметила, что все присутствующие Рейнбоу Дэш постарались отлететь от сцены подальше.

«Единственную? — подумала единорожка, — Как интересно, неужели сама?.. То есть первая? Или просто хвастунишка?..»

Грянули первые аккорды музыки, но для Ли́ры будто наступила мёртвая тишина. В мигающем свете спецэффектов мятная единорожка разглядела пони, что находились в клубе.

На первый взгляд, никаких существенных отличий от «Маяка» здесь не было, за исключением разве что декораций. Ну, музыка подинамичнее. Официантки-пони, опять же.

Но Ли́ре удалось разглядеть, в чём состояло главное отличие.

В небольшом кусочке Эквестрии, где под крылом солнечной принцессы собирались счастливые друзья, в глазах и людей, и пони, светилась одинаковая радость и веселье. Здесь же...

Здесь Ли́ра нигде не заметила счастливых улыбок. Злорадные и насмешливые — да, безусловно, но искренне тут, казалось, не веселился никто.

Многие пони здесь были почти не одеты, даже по сравнению с практически голыми официантками. Откровенно-вызывающие, а иногда подчёркнуто-строгие, агрессивных расцветок наряды только усиливали впечатление.

Некоторые пони не двигались с места — те, что понуро сидели рядом с людьми на поводках и цепочках, ведущих к ошейникам или недоуздкам. И совсем не похоже было, что пони надели эти атрибуты подчинения по доброй воле.

Сердце тревожно билось о рёбра при виде пони, взнузданных и перевитых какими-то чёрными ремнями. Именно в их глазах чаще всего мелькали страх или безразличие, и они почти не участвовали в царящем вокруг веселье. Разве что провожали взглядом какую-нибудь пони, косились на сцену или один из экранов. Да и люди, сидящие рядом и зачастую держащие в руке концы поводков или уздечек, почти не обращали внимания на своих пленниц.

Лира вздрагивала каждый раз, когда видела такое или встречалась с очередным затравленным взглядом. Очевидно, здесь многие пони были попросту рабами людей. И одной Селестии ведомо, как далеко люди заходили в подобных «развлечениях». Судя по всему, довольно далеко.

Воображение нарисовало нехороших людей, захватывающих пони в рабство, где их ждала поистине трагическая судьба...

«Ты плохая, плохая пони!» — вновь пронеслось в голове.

В это время на сцене появилась Рейнбоу Дэш, сжимающая в передних ногах электрогитару. Расправив для равновесия крылья, она обвела взглядом всех присутствующих. Раздался рёв диссонансной тяжёлой музыки, с непривычки сильно резанувший по ушам единорожки.

Радужная пегаска запела. На пределе голосовых связок, даже зажмурив от напряжения глаза. Знакомый голос звучал с какими-то странными интонациями, словно в душе исполнительницы поселилось что-то недоброе и мрачное:

Покажи же мне, как лгать,

Ведь тебе равных не сыскать,

Искусству судьбами играть

Не так-то сложно научить.

Ввернешь одно словцо -

И результат уж налицо,

Ты растворяешься в толпе -

Уже идут кого-то бить...

Ли́ра готова была поклясться, что эту Рейнбоу Дэш просто распирает дикий восторг. И если бы не преисполненный злобной агрессией голос, может, в такой музыке мятная единорожка нашла бы даже что-то привлекательное.

Рейнбоу тем временем ударила по струнам взревевшей гитары и повысила голос, хотя казалось, что дальше уже просто некуда:

Пляши же, гад, пляши,

Жизнь за сущие гроши.

Никто так не узнал,

Почем кому ты их сдавал.

И вот опять ты улизнешь,

Его с дороги уберешь,

Молодец, так держать!

Далеко же ты пойдешь!

В песне наступил перерыв, позволяющий вокалистке отдышаться. Но Рейнбоу, казалось, сейчас взлетит от восторга, закрыв глаза и всецело отдавшись ревушей музыке.

— Боюсь, все столики сегодня заняты, — сказали вдруг рядом, и Ли́ра чуть не подпрыгнула от неожиданности.

Повернув голову, она увидела молодого черноволосого человека в костюме с бейджем, сообщавшим, что перед пони находится администратор Харлон.

— Что, простите? — переспросила пони, пытаясь перекрыть бьющую из динамиков музыку и вопли зрителей.

— Сегодня все столики заняты, — громче повторил человек, на лице которого играла искусственная, масляная улыбка, — потому что Рейнбоу Дэш третий день веселится и сорит деньгами. Могу предложить разве что место за барной стойкой.

Лире стало не по себе от его взгляда. Не то чтобы он откровенно таращился или шарил взглядом по телу, просто единорожка чувствовала себя неудобно.

— Это... подойдёт, мистер... э... Харлон, — выдавила пони и осторожно пошла к центру зала. Администратор, проведя рукой над головой пони, повторил жест охранника и тоже слегка удивился синему сигналу индикатора на браслете.

Рейнбоу Дэш со сцены радостно орала под надрывный рёв электроинструментов. Ей помогал грузный человек на ударной установке и существо, более всего напоминающее дракона с человеческими пропорциями. Станный клавишный инструмент, похожий на смесь гитары и пианино, в когтистых лапах казался чем-то совсем неестественным, хотя и щеголял шипасточешуйчатой драконьей атрибутикой.

С этой ложью без конца,

Не открыв лица,

Бей их прямо между глаз!

Бей их прямо между глаз!

И вот ты уходишь прочь,

Говорить не в мочь,

Глаза молнией искрят -

Врагов твоих разят!

Я покидаю их ряды,

Жертв бессмысленной вражды,

Сыграй теперь со мною, друг,

Ведь эта сцена про меня!

Посмотри же впереди -

Это плата за грехи,

А не получишь, что хотел -

Знай, это все из-за меня!

Пляши же, гад, пляши,

Жизнь за сущие гроши.

Никто так не узнал,

Почем кому ты их сдавал.

И вот толпу ты за собою

Ведешь за светлую мечтою.

Молодец, так держать"

Далеко же ты пойдешь!

Ты уж нам поверь!

С этой ложью без конца,

Не открыв лица,

Бей их прямо между глаз!

Бей их прямо между глаз!

И вот ты уходишь прочь,

Говорить не в мочь,

Глаза молнией искрят -

Врагов твоих разят!

Один из трёх баров, расположившихся в «Пони-Плее», находился совсем рядом с углублением в центре, сейчас будто заполненным чернильной тьмой.

Проходя мимо закутков со столиками, Лира бросала на отдыхающих людей и пони любопытные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы это не выглядело слишком невежливым.

Рейнбоу на сцене тем временем разошлась вовсю, и хрипловатый голос с надрывом выводил последние слова песни:

— ...Пляши же, гад, пляши,

Жизнь за сущие гроши.

Никто так не узнал,

Почем кому ты их сдавал.

Пляши же, гад, пляши,

Меня сдал за гроши,

Такой мелкий гад, как ты!

С этой ложью без конца,

Не открыв лица,

Бей их прямо между глаз!

Бей их прямо между глаз!

И вот ты уходишь прочь,

Говорить не в мочь,

Глаза молнией искрят -

Врагов твоих разят!

С чередой небылиц,

Герой бесчисленных страниц,

Бей их прямо между глаз!

Бей их прямо между глаз!

И вот ты уходишь прочь,

Говорить не в мочь,

Глаза молнией искрят -

Врагов твоих разят!

Рейнбоу перестала петь и всецело отдалась музыке. Сейчас, когда не было возможности ни выключить, ни сделать потише, Лира вдруг поймала себя на мысли, что ей начинает даже в какой-то степени нравиться подобная музыка.

Лира увидела, как в одном из закутков худой человек в джинсах и толстовке целуется с Эпплджек. Земнопони, прикрыв глаза и сдвинув на затылок неизменную шляпу, обнимала человека передними ногами. Тот, в свою очередь, рукой обнимал пони за плечи, а вторая шарилась по спине, прикрытой клетчатой рубашкой. Стянутый красной резинкой хвост, торчащий из обтягивающих джинсов, не слишком целомудренно мотнулся туда-сюда.

Единорожка смущённо отвела взгляд и продолжила свой путь. Она почувствовала, как мордочка начинает краснеть. Приглядевшись, Лира увидела немало и таких картин, и других. И пони, и люди. Вместе и друг с другом. Или все сразу. Поцелуи и вульгарные объятия, шарящие по телам руки и копыта. Даже покусывание ушек. Спасибо, хоть совсем уж откровенных сцен, подобных тому пугающему шоу, Лира так и не встретила.

Впрочем, некоторые альковы клуба были плотно закрыты складными перегородками. Что делалось за ними — Лире не хотелось даже предполагать.

Это было как-то неправильно, в общественном месте делать то, что принято только между самыми особенными друзьями. Одно дело ласково тыкнуть мордочкой или обнять друга, или там чмокнуть в щёчку. Но публично, при всех, поцеловать в губы или даже прикусить за ухо — это было немного неприлично. И насколько Лира поняла, среди людей это было тоже так и даже строже.

Но почему тогда здесь люди и пони позволяли себе такое?

Единорожка подошла к стойке, где на высоких стульях сидели люди и пони. Для последних мебель была высоковата и не слишком удобна, но Лира ещё в Эквестрии привыкла сидеть по-человечески, свесив хвост.

Бармен, коренастый человек с благородной проседью в тёмных волосах, напомнил Лире пожилого земнопони. Такая же спокойная, преисполненная достоинства сила, ещё далеко не растраченная с годами.

— Что будете пить, юная кобылка? — спросил человек, отставив кружку, которую протирал чистой тряпицей.

— Э, сидр? — покраснев, спросила Лира, чувствуя себя жеребёнком, сбежавшим от родителей на ночные танцульки.

Человек усмехнулся, и через пару секунд перед единорожкой стояла огромная стеклянная кружка, увенчанная пенной шапкой. Ноздри защекотал приятный аромат кислых яблок. Ручка была привычного для пони вида, хотя Лире, как единорогу, это было не слишком важно.

Лира, едва успевшая отпить довольно приличного сидра, хотела уже обратиться к кому-то в баре, но музыка резко оборвалась. Зал взорвался аплодисментами, топотом и восторженными криками.

— Рейнбоу Дэш! Рейнбоу Дэш! — скандировало несколько голосов.

Голубая пегаска отбросила гитару и одним прыжком спрыгнула вниз. Лучи прожекторов устремились следом, и Лира вновь услышала голос человека в чёрном:

— Дамы и господа, кобылки и джентльпони! Делайте ваши ставки! Против Рейнбоу Дэш сегодня выставляется злобное порождение тьмы! Фестрал Бейн Блейд Престон, воин ночи!

Лира вздрогнула. Про фестралов, легендарный народ ночных пони, она только слышала. И что значит «выставляется против Рейнбоу Дэш»? Будут соревноваться? Под крышей?

Происходящее дальше повергло Лиру в состояние лёгкого шока.

Вышедший на арену огромный жеребец в броне набросился на лазурную пегаску под азартный рёв толпы.

Повинуясь жестам незнакомой жёлто-зелёной пегаски за диджейским пултом, грянула музыка, словно специально предназначенная для этого момента. Пегаска чем-то неуловимо напоминала Винил Скретч, видимо, специально ей подражала, причём вполне успешно, на взгляд Лир.

Единорожка округлившимися глазами смотрела, как ночной пони с рыком гоняется за пегаской, раз за разом обрушивающей на него град выпадов копытами. Фестрал не отставал, и пони обменивались ударами с поражающей скоростью и яростью.

В голове не укладывалось. Пони, миролюбивые создания доброго мира, дрались на арене ради чьего-то развлечения? Конечно, пегасы в Эквестрии слыли наследниками древних воинов, и именно у крылатого народа сохранилось больше всего боевых искусств, давших начало захватывающим состязаниям в силе и ловкости.

Но времена, когда один пони всерьёз поднимал копыто на другого, канули в прошлое тысячи лет тому назад, вместе с Тёмными веками, когда Дискорд ради развлечения сеял среди

цветных лошадок ненависть и раздор...

Ли́ра, глядя на бьющихся гладиаторов, думала:

«Ладно монстры, которых специально создали для этого, хотя сами по себе бои ради развлечения — это дикость. Но пони? И Рейнбоу Дэш?!»

А на арене дрались всерьёз. Удары вовсе не были обозначающими, а издаваемые пони рык и крики были наполнены неподдельными болью и злобой. Иногда в воздухе даже носились красные брызги, когда твёрдые копыта оставляли на шкурках ссадины и кровоподтёки.

— Это тебе за Спитфаер, радужная стерва! — прорычал фестрал, впечатав копыто в нос Рейнбоу.

Брызнуло красным, и пегаска отлетела к самому бортику. Со сдавленным ругательством та поднялась и сплюнула юшкой.

На вспыхнувшем голографическом табло горели цифры ставок, и голубая пегаска явно была в фаворитах.

— На Рейнбоу Дэш!.. — надрывалась Пинки Пай, облачённая в сияющий миллионом блёсток обтягивающий белый комбинезон. Одета точно так же девушка вторила пони, и обе совали человеку в цилиндре всё новые и новые пачки купюр, отправляющиеся в зев какой-то гротескной машины.

— На Бейн Блейда! — ревел здоровяк, держащий в руках поводок, на котором сидела понурая Флаттершай. Грива жёлтой пегаски была заплетена в хвост, а мордочка — скрыта кожаным намордником...

Прозвучал гонг, и приём ставок прекратился.

Рейнбоу Дэш будто только этого и ждала. Взмыв в воздух, она обрушилась на фестрала подобно радужному вихрю. Тот отчаянно отбивался копытами и пытался ухватить пегаску острыми зубами, но та будто не чувствовала боли. Пропустив чувствительный удар в грудь и по челюсти, Рейнбоу скрутила здорового жеребца, зажав в захват перепончатые крылья и передние ноги.

Некоторое время жеребец рычал и вырывался, но Рейнбоу Дэш, под очередную волну восторженных криков, усилила хватку, и Бейн Блейд, взыв, уткнулся мордой в песок арены.

— Я сегодня добрая! — прокричала Рейнбоу так, чтобы её было слышно зрителям, — Я даже, пожалуй, не буду тебя убивать! Так что живи, чучело, и помни мою доброту! А ещё то, что не смог отомстить за эту рыжую суку Спитфаер!

С этими словами она рывком подняла вновь взывшего ночного пегаса и разудалым пинком отправила его в полёт к стене арены.

Фестрал, с которого в бою слетел шлем, с глухим стуком ударился головой о борт и рухнул без движения. Трибуны взревели, и в их криках потонул возмущённый возглас хозяина Бейн Блейда, громогласное объявление победителя человеком в цилиндре и боевой клич самой Рейнбоу Дэш.

Лазурная пегаска взлетела и, заложив петлю под высоким потолком, неожиданно приземлилась аккурат рядом с замершей в ужасе Лирой Хартстрингс.

Теперь единорожка могла разглядеть эту Рейнбоу как следует.

Знаменитая радужная грива была коротко острижена и торчала коротким гребнем. В ухе пегаски поблёскивали кольца пирсинга, а вокруг глаз были наведены вызывающе яркие тени, удивительным образом не потёкшие даже после боя. Облегающий наряд Дэш состоял из чёрной кожи и не закрывал ног. И самое страшное, что всю шкурку покрывали неровно зажившие полосы шрамов. Один из самых больших даже нарушал рисунок кютимарки.

Немного выше каждого копыта Рейнбоу красовались широкие браслеты с шипами. При виде измазанных красным острыми кусками металла Лире сделалось дурно. Но пегаска, презрительно фыркнув и снова сплюнув на сторону, хлопнула копытом по стойке.

— Сэм, твою мать! Долго ещё бедная кобылка будет страдать от жажды?

Бармен улыбнулся и по стойке к Дэш проехался сперва стакан со льдом, затем — прямоугольная бутылка коричневатой жидкости.

«Applejack Daniels», — гласила этикетка. Над надписью гордо красовался герб Эквестрии и стилизованное яблочко «Сладких акров».

Пегаска плеснула жидкости в стакан и залпом его осушила. Потом ещё и ещё. Принюхавшись, Лира с ужасом поняла, что Рейнбоу Дэш накачивается чем-то гораздо крепче сидра прямо здесь и сейчас.

— А... Хартстрингс, — протянула вдруг пегаска, будто только сейчас заметив Лиру, — Давно не видела тут твою мятную рожу.

— Я тут впервые... — растерялась единорожка, но Дэш перебила:

— Мне до сена. Как ты могла заметить, меня тут тоже хватает, — она обвела копытом присутствующих, и действительно, довольно часто в толпе мелькала радужная грива и голубая шерстка, — но это не делает этих недорейнбоу настоящими, правда?

— А по какому поводу вечеринка? — сменив тему, спросила Лира, вызвав на мордочке этой странной Рейнбоу Дэш улыбку, с которой вспоминают недавний день рождения...

— Свобода, Харстрингс, — проговорила Рейнбоу Дэш, — Гребаная свобода! Я так гуляю уже третий день. Вечеринка! Show must go on, мать твою!

Копыто вновь шарахнуло по стойке, оставив на ней купюру. Лира отметила, что после такого выступления никто не подошёл к Дэш ни поздравить, ни выразить благодарность за специфическое, но захватывающее состязание.

— Рейнбоу, а почему ты дерёшься на арене? — спросила Лира, — Это так необходимо?

— Раньше хозяин заставлял. Потом втянулась. Годами это было чуть ли ни единственное место, где получалось как следует отвести душу.

— Заставлял? — переспросила единорожка, которую резануло это слово, — Он тебя не любил?

— Любил, конечно любил. Почти каждый день, почитай, любил. Особенно после арены — его возбуждало, когда из меня конскую отбивную делали... — Рейнбоу тронула копытом шрам, что заходил на кьютимарку, — И следы его «любви» останутся со мной навсегда.

Лира почувствовала, как её сердце сейчас выпрыгнет из груди.

— И ты так спокойно говоришь об этом?

Небесно-голубая пегаска, скрипнув кожаной одеждой, потянулась и опрокинула в себя ещё один полный стакан выпивки. Раз за разом повторяя, она чему-то улыбалась, и Лира поняла, что Рейнбоу Дэш, чемпионка и спортсменка, элемент Верности, попросту напивается. Целенаправленно.

На свет появилась пачка сигарет — Лира уже знала, что это такое. Ловко подцепив копытом одну, пегаска отправила её в рот и подожгла от заботливо поднесённого барменом огонька.

От едкого дыма защипало глаза, и Лира создала телекинезом лёгкий ветерок, чтобы отогнать вонь. В «Пони-Плее» курили многие, но над огороженными столиками нависали мощные конусы вытяжек, и дым почти не проникал в основной зал.

Рейнбоу Дэш выпустила струю дыма куда-то вверх и сказала:

— Я сегодня в настроении, Хартстрингс. Хочешь, я твоего хозяина побью, а?

Золотые глаза удивлённо уставились на пегаску.

— Зачем?!

Но Рейнбоу уже не слушала. Встав на ставшие непослушными задние ноги, она оперлась на не успевшую увернуться Лиру, и, держа в передней ноге почти допитую бутылку, провозгласила:

— С-сегодня ваша маленькая Дэши д-добрая... — Пегаска чуть не упала, но удержалась на ногах. — А, разорвать мою задницу!.. Так вот, сегодня я даже вас, тупые недорейнбоу, бить не буду! Р-разве что на арене! Всем виски! За мой счёт! Старина Эппл Дениэлс!

К стойке подошли несколько людей, чтобы насладиться дармовой выпивкой. Прозвучала пара тостов за здоровье чемпионки, кто-то позвал за столик... Рейнбоу только скривилась и снова рухнула крупом на стул.

На стойку полетела пачка наличности, связанная резинкой.

Лира наклонилась к самому уху голубой летуньи и тихо произнесла:

— Накачивая всех вокруг алкоголем, ты не найдёшь себе друзей, Рейнбоу Дэш...

— Д-друзья? — заплетающимся языком переспросила та, — Мне не нужны д-друзья! Ни в этом мире, ни в каком другом! Д-друзья тебя предадут, стоит только отвернуться. Любящий хозяин кинет тебя на арену, а ночью пристегнёт к постели и оттрахает так, что будешь два дня ходить враскоряку! Верить можно только себе.

— Нет, это не так! — с ужасом возразила Лира, до которой дошёл смысл кожаных браслетов, где помимо шипов были укреплены прочные железные кольца.

— Так, — по мордочке Дэш расплылась кривая усмешка, и в рот отправился последний глоток виски, на этот раз прямо из бутылки, — В-взгляни на меня. Тем, что я есть, я обязана своему... ик!.. хозяину, который пару дней назад сделал мне самый большой в жизни подарок... П-просто подарок всей ж-жизни, р-разорвать мою задницу!

Пустая посуда улетела на арену и воткнулась в песок. Бармен с безразличным выражением лица отправил по стойке следующую, ловко пойманную пегаской.

— Какой?

Рейнбоу Дэш вырвала зубами пробку, сделала несколько глотков и довольно расхохоталась:

— Он попросту сдох! Сдох! Наконец-то! О, как я мечтала об этом, знала бы ты, мятная твоя рожа!

В голове не укладывалось. Так значит, Рейнбоу Дэш, которую Лира Хартстрингс помнила весёлой, задорной, самой быстрой и отчаянной пегаской на свете, третий (или какой там?) день праздновала... смерть своего... друга? Или хозяина? Так она сказала?

Праздновать чью-то гибель — это было даже не дико, а просто невыносимо.

— Но... — начала единорожка, но Рейнбоу уже с головой ушла в то состояние, когда в хмельном тумане развязывается язык, а уши будто закладывает ватой:

— З-запомни, лошадка, ни... ик!.. кому нельзя верить, особенно людям. Особенно тем, кто хочет... стать... — даже в пьяном бормотании Рейнбоу послышалась горькая ирония, — «настоящим другом»! Помни, всё, что человекам от тебя надо — зрелищ и порева! Так что б-береги круп, поняша, пока его... не... ик!.. пристроили к делу!

Лире очень хотелось отойти от этой Рейнбоу подальше. Запах табачного зелья, мешаясь с алкоголем, неприятно раздражал нос, да и по поведению пегаска не походила сама на себя.

Кто и зачем сделал с ней такое?

К двум пони тем временем подсел человек. Рейнбоу не заинтересовалась, стараясь попасть горлышком новой бутылки в стакан. Несколько капель виски уже пролились на стойку. Лира же обратила внимание, как человек окинул взглядом с трудом сохраняющую вертикальное положение пегаску.

Незнакомец был одет в джинсы и кожаную куртку поверх футболки, что в «Пони-Плее», казалось, было чуть ли не самым распространённым стилем. На рукаве у мужчины был закреплён серебристый знак в виде трёх яблок, очевидно, изображающих кьютимарку Эпплджек. Самой пони, правда, при человеке не было.

Человек провёл рукой по обритой налысо голове, покрытой рисунком в виде паутины.

— Рейнбоу Дэш Вендар? — спросил он, — Реально ты, что ли?

Дэш с трудом сконцентрировала взгляд рубиновых глаз на новом участнике разговора и проямлила, путаясь в собственном языке:

— Ещё раз назовёшь м-меня фам-милией этого уб-блюдка, все рёбра п-пересчитаю. Я, мать твою, ед-динственная Рейнбоу Дэш, единственная... ик!.. и неповторимая. И п-пусть все остальные подделки б-берут себе фамилии своих... ик!.. — голос пегаски наполнился бесконечным презрением, — хозяев! Чё те надо?

— Слышь, Дэш, раз Алекса больше нет, ты типа сама по себе теперь?..

На мордочке Рейнбоу вдруг появилось удивлённое выражение:

— А, Фрэнки... Я т-тя помню. Т-ты пару раз заходил к нам в гости... любитель жёстких проникновений.

— Я типа про то же, поняша. Тебе вроде как нравилось, как насчёт повторить?

— Фрэнки... с-сука... Молестию тебе в тёщи, — в голосе Рейнбоу заклокотала настоящая ненависть. Пегаска повернулась к Лире, которая в шоке взирала на происходящее, — И почему ко мне всякие ут-тырки вечно липнут?..

Человека не смутил отказ пегаски. Он улыбнулся и сказал:

— Я тебе отстегну, малышка, всё честь по чести. Синтетам вроде тебя всегда нужны деньги. А ты мне и вправду нравишься.

Рейнбоу Дэш нашла в себе силы подняться со стула и опуститься на четыре копыта. Человек тоже поднялся и, протянув руку, попытался погладить пони по короткому гребню гривы. Пегаска с невнятным рыком нагнула голову и прижала уши, уворачиваясь от ладони.

— Ща я тебе... отстегну по чести... — процедила она сквозь зубы.

Лира ничего не успела сделать и даже толком рассмотреть. Но человек вдруг согнулся пополам, хватаясь за пах, куда пришёлся удар подкованного копыта.

Не обращая внимания на онемевшую единорожку, Рейнбоу Дэш крутанулась на месте и добавила ещё один удар по лицу начавшего падать человека. В воздух взметнулось несколько капель крови в сопровождении пары зубов.

— К-как я давно хотела это сделать, мать твою... — выплюнула Рейнбоу слова, — С-сука. Ненавижу... Сегодня просто праздник на празднике, разорвать мою задницу.

С этими словами Дэш уселась обратно за стол и вновь потянулась к бутылке. Из зала раздалось некоторое количество аплодисментов и одобряющего понячьего топота. Лира заметила, что в основном, топот исходил от пони, на которых красовались ошейники и прочие признаки рабства. Кто-то из пони заработал от хозяев подзатыльник или рывок поводка за это выражение чувств.

Стонущего человека унёс дюжий охранник, тихонько показавший Рейнбоу поднятый вверх большой палец. Та не обратила внимания.

— Кто такие синтеты, Дэш? — спросила Лира, чем вызвала взрыв пьяного смеха, — Что такого смешного я сказала?

Рейнбоу еле справилась с приступом гомерического хохота и ответила:

— А т-ты... поняша, думаешь, что ты.. ха-ха... из этой... Квестии?

— Эквестрии, да. А почему «думаешь»? Ты что же, забыла свой дом?

Новый взрыв хохота сотряс лазурную пегаску.

— Ну если т-тебе будет так легче... Я родилась ж-жеребёнком уже в этом мире. И если и была в этой твоей стране фей, то забыла об этом.

— А что ты помнишь самое-самое первое? — постаралась подбодрить пегаску Лира, но напоролась на тяжёлый взгляд.

— Ошейник.

Короткий ответ потряс Лиру до глубины души. Хорошо, если принять очень-очень гибкую мораль, можно понять чересчур близкие отношения между пони и человеком. В конце концов, любовь не разбирает видов. Но надеть ошейник на жеребёнка?

— У меня для т-тебя будет новость, — процедила Рейнбоу Дэш и наклонилась к единорожке ближе, — Никакой Экв-вестрии... просто НЕТ. Всё это — человеческая обманка, игра. Чтобы р-развлекаться. Раньше был только г-гребаный... м-мультик. Теперь — мы. Синтеты. Игрушки для людей... ик!

— Я не игрушка! — резко ответила Лира, — Я живая и помню дом!

Рейнбоу вновь разразилась издевательским хохотом.

— Ой, не могу!.. Дом она помнит! Да ты родилась в тот момент, когда... ик!.. Ув-видела своего... хозяина! Всё что было до того — ис... ик!.. куственная память, ложь, чтобы ему... ик!.. в-веселее было играть с-с... с тобой! Наив-вая... ик!.. лошадка...

Лира почувствовала, как едва начавший выстраиваться мир снова начинает рушиться. Это не могло быть правдой. Это было слишком чудовищно, чтобы ею быть.

Золотистые глаза повлажнели, глядя в затуманенные алкоголем рубиновые.

— Д-добро пожаловать... в-в реальный мир... мать твою, — проговорила Рейнбоу, — Сэм, ещё!

— Кажется, тебе уже хватит, Дэш, — заметил тот, — как бармен я не возражаю, но ты никогда столько не пила.

— Я никогда столько не ЖИЛА, разорвать мою задницу!.. Насрать! — копыта грохнули о стойку, привлекая несколько сторонних взглядов, — Наливай, Сэм, чёрт тебя подери! Давай сюда это гребаное виски!

Лира, отшатнувшись, начала пятиться прочь. Она думала, что человеческий мир уже показал ей все неприглядные грани, но если то, что сказала Рейнбоу, правда...

Единорожка с надеждой посмотрела на Сэма, но тот пожал плечами:

— Раньше или позже ты узнала бы истину. Смирись с этим, поняша. Потому что выбора всё равно нет.

— Нет! — почти крикнула Лира, — Нет, этого не может быть! Это неправда! Я не верю!..

В слезах она бросилась к выходу. Она ждала угроз, смеха, даже погони, но атмосфера «Пони-Плея» не изменилась. Всё так же шумела музыка, а с арены раздавались хлёсткие удары, звон металла о металл и крики делающих ставки людей и пони. В воздухе витал запах курительных зелий и алкоголя, слышался смех и прочие звуки, сопровождающие повседневную жизнь заведения...

Всем было всё равно.

Миру людей было всё равно.

Вслед единорожке лилась мрачная, злая музыка, и угрюмый хор выводил:

— In the Rainbow Factory, where your fears and horrors come true...

In the Rainbow Factory, where not a single soul gets through...

Лира выбежала из бара и, не разбирая дороги, помчалась куда-то, захлёбываясь рыданиями.

Эквестрия, дом, вся жизнь — ложь? Жестокая, беспощадная ложь, созданная людьми для... развлечения?

Жеребьячество, счастливая, беззаботная жизнь в волшебной стране, принцесса Селестия — всё это неправда? Магия дружбы и искренние, тёплые чувства и слова? И Виктор знал об этом? Он ведь не мог не знать...

Под копытами стучал асфальт, вскоре сменившийся дорожкой какого-то сквера или парка.

Единорожка остановилась на берегу озера. В туманной дымке вокруг кусочка природы возвышался и сверкал огнями большой город огромного мира, который не желал замечать крохотную пони.

— Кто я?! — в отчаянии закричала Лира, зажмурив глаза, хотя вокруг никого не было, потом повторила тише, — Кто я?..

По её щекам текли слёзы, которых никто не видел.

<http://tl.rulate.ru/book/82033/2552517>